

Русский взгляд

С. Н. ЕСИН

(ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО)*

Выступление на 21-м заседании Русского интеллектуального клуба, в котором автор размышляет о фундаменте и символах современной русской литературы, делится впечатлениями о новых литературных конкурсах, говорит об утрате вдумчивого читателя и других острых проблемах современной литературной жизни страны.

Ключевые слова: литература, писатель, читатель, критик, журналы, литературные конкурсы.

Russian View

S. N. ESIN

(A. M. GORKY LITERATURE INSTITUTE)

It is a speech at the 21st Session of the Russian Intellectual Club. The author is pondering over foundation and symbols of contemporary Russian literature. He is sharing impressions on new literary awards and is talking about loss of a serious-minded reader and other vexed problems of present-day literary life of Russia.

Keywords: literature, writer, reader, critic, magazines, literary awards.

Я начинаю свое сообщение с некоторой робостью. В моем сознании наше сегодняшнее собрание — это что-то вроде конференции. Согласимся, что понятие «Русский клуб» обязывает ко многому, а главное — к присущей нам, как русским, искренности. Естественно, меня смущает и публика — сплошь телевизионные лица, и сидящий прямо напротив этой трибуны мой товарищ Александр Проханов.

Я восхищен нашим предыдущим докладчиком — Аллой Юрьевной Большаковой. Она в отличие от меня прочла такую бездну романов, рассказов и повестей, она так хорошо владеет сегодняшним литературным процессом, что я даже немножко растерян, как же говорить после нее.

В современном литературном процессе есть одно такое поразительное свойство — здесь умеют удивлять. Я как-то решил еще несколько лет назад, когда тенденция только набирала силу, прочитаю-ка я все бугеровские романы. И что я заметил? Что в принципе дальше середины почти любо-

го произведения продвинуться я не могу, дальше начинается мертвая зыбь, скучное качание на одном месте. Это касается даже такого блистательного автора, как Дмитрий Быков. Вот начинаю его «Эвакуацию», как интересно, как ново, как увлекательно, а потом чувствую, покачивает волна, не штормит, но качает, уже не читать хочется, а смотреть телевизор, попить чаю, поперебирать книги, помыть посуду на кухне. А все интересное почему-то уходит в воздух, растворяется. Очень хорошо недавно сказал мой друг писатель Юрий Поляков, что беда современной литературы от филологии. Но он еще и добавил, что беда современного театра и кино во внуках бывших лауреатов сталинских премий. Неплохо? А главное — понятно.

Алла Юрьевна хорошо осветила здесь, так сказать, патриотическую сторону нашего литературного процесса, оставив в стороне демократическую, или, что почти одно и то же, так называемую прогрессивную. Ну, мы-то ведь красно-коричневые, как извест-

* Есин Сергей Николаевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературного мастерства Литературного института им. А. М. Горького, заслуженный деятель искусств РФ, секретарь Союза писателей России, вице-президент Академии российской словесности, лауреат Бунинской премии. Тел.: (495) 694-06-75. Эл. адрес: esin@litinstitut.ru

но. И нам безумно интересно, как там живут литературные господа и литературное дворянство.

О премиях, которые они успешно делят между собой, мы уже говорили. Я хорошо помню самый первый, полный ожиданий букеровский конкурс. Его вела тогда, наверное, трепеща от значительности, известный и талантливый критик Алла Латынина. Она выбрала тогда, как председатель жюри, из всего литературного товара очень среднее, очень вторичное, напоминающее нам по стилю одновременно и Манна, и Пруста — произведение Марка Харитоновича «Сундучок Миклашевича». Прошло время, отзвучали аплодисменты, и я встретился с Харитоновым как-то во французском посольстве на обеде. Тут же кто-то из гостей, а может быть, даже жена посла, с некоторым естественным разочарованием сказал, что, переведенная на французский, букериада Марка Харитоновича коммерчески абсолютно провалилась. Без чувства злорадства спрашиваю, где же теперь этот знаменитый писатель Марк Харитонов? Но это с одной, с нашей, стороны.

С другой стороны, мы прекрасно понимаем, что английский-то Букер — это, извините, всегда Букер. Там сходятся интересы читателей, издателей, публики и самой литературы. И мы понимаем, что в английском варианте этой премии есть какая-то внутренняя, всеобщая и справедливая логика. Справедливость — это из лексикона русских людей. Но здесь некоторое ответвление от того, что я хочу дальше сказать.

Давайте теперь посмотрим на нашу литературу в целом. Если говорить о ней, о нашей отечественной литературе, то есть, казалось бы, смысл говорить о ее фундаменте и ее стимулах. Но мне в первую очередь отчего-то в этом случае хочется поговорить о только что прошедших Олимпийских играх. Как мы все понимаем, мы там с большим блеском и талантливо провалились. Какая невероятная пощечина по отечественному самодлюбию. А спрашивается, почему такой оглушительный неуспех? Наши уважаемые

телевизионные и радионные комментаторы, наши замечательные чиновники от спорта поначалу на полном серьезе пытались нам доказывать, что и снег в этом чертовом Ванкувере не такой, погода будто специально портится перед выступлениями именно наших спортсменов, и просто нет у нас зарубежного форта и удачи. И это в зимних видах спорта, когда председатель думского комитета не без знания дела и ситуации утверждает, что по зимним-то видам спорта мы должны и обязаны превосходить всех. И это вполне естественно. Подумать только, какая удивительная лыжня от Урала через всю Сибирь, аж до Владивостока! А в Швейцарии бедные чемпионы катаются на крошечном пяточке.

Так вот, если посмотреть на эту Олимпиаду, то, конечно, она нами провалена потому, что в первую очередь провален российский спорт как социальное явление. Практически разорены и разрушены детские спортивные школы, приоритет физкультуры, престиж сильного, доброго, самостоятельного и здорового человека. Все это, грубо говоря, заменено фитнесом.

В спорте ничуть не лучше, чем в армии. Сколько лет мы безуспешно боремся с дедовщиной. А когда я служил срочную службу, дедовщины почему-то не было, в полковой библиотеке стоял том с двуязычным — на русском и английском «Гамлетом», который я успешно заныкал, а потом подарил его покойному Смоктуновскому. Я хорошо помню интеллигентных ребят, которые служили в нашей роте. А теперь идут служить ребята или с наших городских окраин, или из деревень. Несколько лет у меня болела и лежала в больнице жена, и я хорошо представляю процесс освобождения от армии московских мальчиков. Два раза в год начинают поступать в отделение молодые люди — будущие белобилетники, и я достаточно сметлив, чтоб не видеть, при помощи какого инструментария добиваются они этой сладкой свободы. А сколько армия приносила пользы нашему хлипкому брату интеллигенту! Не там ли горожане учились

ходить на лыжах, бегать кросс, поднимать штангу? Так вот, после того как оказалась разрушена привычная система молодой жизни, плохо стало и с погодой в канадском Ванкувере...

То же самое произошло и с литературой. Литература наша была разрушена точно таким же нехитрым образом. Была разрушена система государственных издательств, почти в каждом из которых был отдел по работе с молодежью, канула в Лету система книгораспространения, при которой книгу, вышедшую в Москве, можно было купить в Хабаровске, была разрушена система приоритетов в литературе. Но это далеко не все. Есть еще библиотеки, хранилища знаний и опыта, накопленного литературой, в которых нынче годами не пополняются фонды. Благодаря высокому совершенству наших законов растворилась в прибылях издательства русская литература...

Впрочем, если бы обзор делала не Алла Юрьевна, не постеснявшаяся обозначить ухабы, а делал такой человек, как наш знаменитый представитель правящих литературных вершин Владимир Григорьев, то, конечно, здесь нам бы указали на большое количество названий книг, выходящих в наше время, на то, что, дескать, в советское время выходило слишком много Ленина, а литература коммерческая почти не выходила. Нам бы сказали и, наверное, назвали тысячи небольших малотиражных и самодельных изданий. Кстати, особенность нашей сегодняшней литературы: как ей безумно мешает этот почти всегда вне качества самиздат! Без редактора, без корректора. Если у тебя есть 5 тыс. рублей, то ты можешь напечатать свою плохую графоманскую книгу. Это при том, что мы, российские, всегда верим: все, что напечатанное, — всегда образец и правда. Но все это — лишь первая зона разрухи.

Вторая зона — это духовная катастрофа, разрушившая нашего читателя, который перестал адекватно воспринимать литературу как последний критерий, как высший суд и перестал литературу воспринимать как

огромное интеллектуальное наслаждение. Ведь то же самое происходит и в кино. Вы вспомните, еще 20–25 лет назад как мы ожидали новые фильмы Феллини, Хуциева, Сергея Бондарчука. Это всегда были неожиданные фильмы, которые несли в себе и новые знания, а часто и новую эстетику. Сейчас этого нет. Сейчас кино, точно так же как и литература, сдало свои позиции и ушло в глубокие... неясные коммерческие и разбойные глубины.

Наш сегодняшний хозяин ректор Игорь Михайлович очень точно сказал в самом начале нашей конференции о школе, о том, что только 2% наших читателей сегодня в литературе ориентируются на наши, когда-то знаменитые «толстые» журналы. Когда-то «толстяки» обладали высшим авторитетом и были последней инстанцией. Они были носителями определенного критерия, служили своеобразным компасом, причем как для левых, так и для правых. Одни читали «Новый мир», другие читали «Октябрь». Где это сейчас? И стал ли «Космополитен» носителем литературной истины? Но, уверяю вас, не все рухнуло и не все так безнадежно.

По словам главного редактора журнала «Наш современник» известного поэта и публициста Станислава Куняева, происходит некоторая переориентация. Несколько горделиво, как и положено главному редактору, он поведал мне недавно о некоторых любопытных итогах годовой подписки. Оказывается, все толстые либеральные журналы имеют приблизительно 9–11 тысяч тиража. Но, оказалось, столько же имеет в этом году и патриотический «Наш современник». Читатель голосует рублем. Стрелка весов клонится в другую сторону, и все это надо иметь в виду, чтобы вообще начать анализировать процессы в нашей сегодняшней литературе. И в первую очередь, конечно, все, что связано с феноменом оценки.

Я уже коснулся очень престижного Буке-ра. Не следует думать, что критерии надломались только здесь. У нас критерии исчезают везде, что в правой литературе, что в левой литературе. Вот еще один эпизод

с Букером, который мне рассказал Евгений Юрьевич Сидоров, наш известнейший критик, который год назад был во главе Букеровского жюри. Опубликовали «длинный» список, который всегда надо рассматривать как элемент поощрения, в том числе и молодым писателям. После определенной паузы, во время которой читаются и осмысляются работы, жюри напечатало «короткий» список. И как только это было сделано, моему собеседнику сразу звонит по телефону очень известный критик — дама и спрашивает: «А почему, собственно, в этот “короткий” список не попала моя дочь?»

Для меня, а также для сидящего в зале Александра Проханова, для Аллы Большаковой, для Сергея Толкачева, для любого присутствующего здесь писателя, для любого человека, занимающегося литературой, ясно, что вокруг каждой премии создается определенный круг людей. Премия вообще — это дело иногда случайное, но все-таки мы помним, какие внутренние бои, освященные потом в мемуаристике, шли, скажем, в комитете по присуждению Ленинских или Государственных премий в давние времена. Там шли общие и открытые бои правых и левых. Сейчас бои идут только в своих группах, среди литературных заединчиков.

Я хорошо еще помню такой сюжет, связанный с одним из Букеровских парадных обедов. Так уж случилось, что, приехав на этот обед, я не знал ни того, кто на этот раз входит в Букеровское жюри этого года, ни «короткого» списка. Сажу, наслаждаюсь жизнью и литературным общением. Постепенно выясняется состав «короткого» списка, претенденты выходят к микрофону и что-то говорят. Их, кажется, было пять. Параллельно начал проясняться и состав жюри. И вот, сидя за своим столом, не читая ни одного представленного на суд произведения, только сопоставляя фамилии авторов и фамилии членов жюри, естественно догадываясь об их пристрастиях, я четко сказал, кто в этом году победит. Говорю: «Победит в этом году Улицкая». Так оно и произошло.

Это общие соображения, и, я думаю, вам знакомые.

Дальше у меня сложное положение. Или рассказывать еще о том, как я вижу эту литературу, или еще рассказать о том, кто сейчас приходит в русскую литературу. Потому что, когда мы говорим, что виноват во всем рынок, когда мы говорим о том, что виновата во всем либеральная и патриотическая групповщина, мы немножко лукавим. Конечно, положение сложное, литература раздергана, только в Москве пять или семь союзов писателей. В России сейчас понятие «член Союза писателей» перестало быть престижным, перестало говорить и о профессионализме, и о качестве. Сейчас это звание ровным счетом ничего не означает. И вот у меня, как у Ильи Муромца на перекрестке дорог, — или в одну сторону, или в другую.

Начну с того, что мне ближе. С того, что подчас приходит в литературу, и почему в молодой литературе тоже складывается сложное положение. А оно заключается в одном. Что мы помним из советской литературы? Вы сейчас назовете ряд замечательных имен, скажем Федора Абрамова, Валентина Распутина, Василия Гроссмана, незабываемого Юрия Трифонова, Василия Белова, Василия Шукшина и тугую гроздь знаменитых советских поэтов. Теперь вспомните, что было издано и что прогремело за последние 20 лет? Было ли за последние 20 лет хоть одно произведение, которое овладело бы умами общества? Найдете вы такое произведение? Такого произведения вы не назовете. И отсюда, конечно, у нас у всех, по крайней мере у меня, есть ощущение некоторой давней зыби в литературе, литературного краха.

Тут я вынужден сказать о школе. Здесь сфокусировалось и отношение к самой литературе, и отношение к самому феномену жизни. Десять лет назад я выступил в газете «Правда» с очень, как считалось, «непонятной» статьей. В ней я сказал, что во многих наших текущих проблемах виноват низкий уровень нашей школы. И это действительно

так. Здесь бессмысленно говорить, что убираются такие школьные предметы, как «литература», убирается «история», убирается практически соображающий читатель. Я отчетливо представляю это общее обмеление по примеру нашего Литературного института им. Горького. Конечно, иногда приходят блестящие ребята. Но в основном у нас огромная проблема на первом курсе, потому что у нас на первом курсе мальчики и девочки сдают литературоведение, русскую литературу, античную литературу, цикл истории древнего мира... И они этого не могут сдать. Они делают «заходы» по три-четыре раза. А почему? Я анализировал это явление и вспомнил, что, когда мы приходили в институты и университеты, отчетливо могли проартикулировать такие названия, как пирамида Хеопса или Джосера, мы знали, кто такой был Рамзес Второй и что Карфаген — это не Малая Азия, а Северная Африка. Нынешние ребята не владеют начальными знаниями, связанными с отечественной и мировой историей. И вот эти мальчики и девочки, постепенно воспитываясь в ощущении полной самодостаточности, потом приходят в наши вузы, а потом становятся еще и нашими читателями.

Еще в качестве почти опыта приведу пример. В моем доме на 8-м этаже живет достаточно состоятельный молодой человек с семьей. И вот он иногда говорит: «Сергей, мне книги выбрасывать или принести тебе?» А я книги часто собираю не только для своей библиотеки. И он приносит мне огромное количество тех бестселлеров, о которых так много трубили. Прочел он или его дочь, а хранить у себя не хотят. Вот Маринина, вот Дашкова, вот Берсенева, вот Мураками, вот даже Ремарк. Все это я отправляю дальше в обезвоженную временем библиотеку, с которой я связан. Это еще одно свидетельство того, что люди не только не хотят держать в доме книги, но они их еще и отбрасывают как вещи, которые не потребуются им в жизни.

Теперь немного о литературе. Я уже сказал, что литература наша перестала быть

центральной литературой, единой литературой. Она распалась на много литератур, на литературы многих объединений. Но распалась она в принципе на две части: на часть, которую мы условно называем специфически-либеральной, и на часть, которую мы условно называем патриотической частью. Причем они распались так, что это как бы два различных материка. Я только что прочел два больших и интересных обзора литературы. Оба они посвящены либеральному отряду литературы. Это обзор в «Знамени» и обзор в «Новом мире». И там, и там очень крупные и известные критики. Вы думаете, хоть в одном обзоре упомянута фамилия Распутина? Нет. Хоть в одном обзоре упомянута фамилия Личутина или другого действующего писателя Крупина? Нет. Упомянуты иные, не менее, наверное, интересные авторы, но центровые авторы другого лагеря умалчиваются. Это обычная игра другого лагеря. Но стоит ли в нее играть? Если вы думаете, что не упомянут Проханов, — упомянут, с должной долей отчужденности. Он же ведь иногда выступает на «Эхе Москвы»... Это, кстати, тоже показательно.

Дальше можно было бы говорить о новом герое. Можно было бы говорить о специфике литературы. О том, как отсутствие журналов и отсутствие какого-то центра помешало нам. Я остановлюсь на одном чрезвычайно важном и точном месте одного из этих обзоров. Мысль такова: в наше время, в связи с тем что литература перестала проходить через журналы, она стала не только чрезвычайно общей, но и очень многословной. Графоман на то он и графоман, чтобы писать долго и много.

Но есть в этих обзорах и другие не менее любопытные пассажи. Например, как либеральная критика, совершенно оторвавшаяся от «иной» корневой литературы, видит и планирует сокровенную книгу будущего. А что скажет после нас? А в какой последовательности Белинский или на худой конец Виктор Шкловский XXII в. расставит рейтинги писателям первого десятилетия XXI в.?

Мысль о литературных параллелях, как в свое время мысль о параллелях вокальных (книга Лаури Вольпи так и называлась — «Вокальные параллели»), возникла в недрах фундаменталистского журнала «Знамя». А сама экстравагантная подгонка материала принадлежит Наталье Ивановой, нашему знаменитому критику. Этот критик всегда отличался верностью служения. Именно она решила проанализировать, что же было в культуре и литературе, в частности в начале XX в., что дало отблеск в наше будущее, и что в качестве адекватного визави блеснит, обещая фейерверки славы в нашем десятилетии, в начале XXI в. И вот какие получаются интереснейшие параллели (это можно воспринять и всерьез, но можно воспринять как поразительный саркастический выпад):

1890-е годы. Лев Толстой — в наше время Александр Солженицын.

1900-е годы. Антон Чехов. Теперь я задаю вам вопрос: какого писателя можно приравнять в наше время к Антону Чехову? Андрея Битова. А кого можно приравнять к Максиму Горькому? Маканина. А к Ивану Бунину? Один великий стилист — Иван Бунин, но и другой великий стилист — Владимир Соколин. Вместо Александра Блока у нас Ми-

хаил Шишкин, живущий в Швейцарии. Вместо Иннокентия Анненского, который умер в 1909 г., у нас Олег Чухонцев. Вместо Андрея Белого — Александр Кушнер. Вместо Мережковского — Елена Шварц (для большинства присутствующих, которые ее не знают, скажу, что это хороший поэт). Вместо Николая Гумилева — Сергей Гандлевский. Вместо Константина Бальмонта — Мария Степанова. Вместо Василия Розанова — Дмитрий Галковский. Здесь я, конечно, снимаю шляпу, потому что согласен. А вместо Станиславского у нас Олег Табаков. Вместо Немировича-Данченко — Петр Наумович Фоменко. А вместо Мейерхольда сразу два — Лев Додин и Анатолий Васильев. Но не забыта и архитектура. Вместо Шехтеля, правда, почему-то стоит Илья Кабаков. Вместо Врубеля — Олег Кулик, тот самый... Вместо Бенуа, Серова, Лансере и Сомова — Комар и Меламуд, тоже знаковые фигуры. Но, конечно, самое интересное, это кто находится вместо Дягилева. Вместо Дягилева стоит у нас галерейщик Марат Гельман. Это, значит, для него надо готовить площадь в Париже или на худой конец в Костроме, чтобы назвать ее его именем.

Вот на этом можно и закончить.

Новые книги

Ильинский, И. М. О Бунине : статьи, интервью, выступления [Текст] / И. М. Ильинский. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2009. — 94 с.

Королев, А. А. Одиссей под крестом истории : избр. труды [Текст] / А. А. Королев. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2010. — 292 с.

Видова, О. И. Русский Ренессанс [Текст] / О. И. Видова, О. И. Карпухин. — М. : Издат. дом «Парад», 2009. — 272 с.